

Боруленков Ю.П., Ковалев О.Г. Субъективная составляющая выводного знания (на примере мотива преступления) // Юридическая психология. Научно-практическое и информационное издание. – 2013. – № 3. – С. 10-16.

Ю.П. БОРУЛЕНКОВ, О.Г. КОВАЛЁВ
МОТИВ КАК КОСВЕННОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

Боруленков Юрий Петрович

заместитель директора Института повышения квалификации Следственного комитета РФ,
кандидат юридических наук, доцент,
125080, Москва, ул. Врубеля, д. 12.

Ковалёв Олег Геннадьевич

профессор кафедры экономической безопасности и уголовно-правовых дисциплин факультета политологии и права Российского экономического Университета им. Г.В. Плеханова,
доктор юридических наук, кандидат психологических наук,
профессор, академик РАЕН.

Зависимость уголовного процесса и, соответственно, уголовно-процессуального доказывания от уголовного права в той или иной степени признаётся всеми отечественными процессуалистами. Одним из связующих звеньев обеих отраслей права является мотив как часть субъективной стороны преступления и элемент предмета доказывания.

Согласно Психологическому словарю понятие «мотив» (от лат. *movere* – приводить в движение, толкать) определяется достаточно разнопланово: 1) побуждения к деятельности, связанные с удовлетворением потребностей субъекта; 2) предметнонаправленная активность определённой силы; 3) побуждающий и определяющий выбор направленности деятельности на предмет (материальный или идеальный), ради которого она осуществляется; 4) осознаваемая причина, лежащая в основе выбора действий и поступков личности [1].

На уровне уголовного закона происходит деление мотивов на юридически значимые для квалификации преступления и иные мотивы, которые приобретают правовой смысл при дальнейшей реализации закона. Мотив как необходимый признак состава преступления может: а) быть признаком, без которого данный состав вообще не существует (например, корыстная или иная личная заинтересованность является необходимым признаком состава злоупотребления властью или служебным положением); б) быть квалифицирующим признаком, образующим состав преступления при отягчающих обстоятельствах (например, корыстные, хулиганские мотивы).

В соответствии с п. 2 ч.1 ст. 73 УПК РФ мотив входит в предмет доказывания и должен быть установлен по каждому делу. Данное требование закона выполняется не всегда. Например, по данным О.С. Капинус, доля приговоров и кассационных определений, отменённых или изменённых из-за неустановления или неверной оценки мотива и цели преступления, составляет 14% общего числа отменённых или изменённых судебных решений по уголовным делам [2, с. 59-60].

Анализ судебно-следственной практики показывает наличие существенных

теоретических и практических проблем, связанных с установлением и доказыванием мотива преступного поведения. Причин тому несколько. В рамках правовой доктрины учёные не достигли единого мнения по определению мотива преступления. Трудность определения мотива в праве связана, прежде всего, с тем, что в общей психологии имеются значительные расхождения в характеристике этого понятия.

В основе психической деятельности человека лежат его **потребности** (как единство субъективного и объективного), представляющие собой нужду в той или иной материальной вещи, в каком-либо результате деятельности. Следует учитывать, что потребности, стимулирующие преступную деятельность, далеко не всегда асоциальны, они могут носить положительный характер с точки зрения морали и быть нейтральны по отношению к закону. Исходя из определённых потребностей, человек проходит сначала неосознанное **влечение, потом желание, затем сознательное стремление и интерес** как **этапы возникновения, становления и развития мотивации** к удовлетворению потребности. В качестве потенциальных мотивов выступают присущие данному обществу объективные ценности, интересы и идеалы, которые в случае их интериоризации¹ личностью могут приобрести побудительную силу и стать реально действующими мотивами. Определив **объект потребности**, субъект формирует общую **цель** своих действий, которая в процессе мотивации будет конкретизирована, соотнеся потребности с объективными условиями и нравственными качествами, выбирает пути и средства достижения данной конкретизированной цели [3, с. 73-77; 4, с. 21-22].

Мотив и цель понятия взаимообусловленные и характеризуют различные стороны волевого процесса. От мотива зависит смыслообразующий характер человеческой деятельности, то, как лицо объясняет своё поведение, с какими обстоятельствами его связывает, какую цель намеревалось осуществить [5, с. 135].

Мотив и цель преступления тесно и неразрывно связаны не только между собой, но и с виной [6, с. 115]. В целом как мотив, так и цель могут выступать в роли субъективной причины преступления, но цель определяет направленность действий, а мотив отвечает на вопрос, почему человек избрал именно эту, а не другую цель [7, с. 170]. Нечёткое представление о цели, преследуемой преступником при совершении преступления, может привести к неверному истолкованию мотивов преступления. Это объясняется тем, что цель (целевая установка) достаточно чётко сознается человеком в отличие от побудительных мотивов поведения. Представление о мотиве преступления должно строиться на основе выявленной дальней цели преступного деяния, в то время как в качестве собственно цели преступления должна выступать ближняя цель преступного поведения.

В последние годы многие учёные пришли к выводу, что мотивы могут иметь не только осознанный, но и подсознательный (неосознанный) характер. Люди предпочитают не замечать подлинных мотивов своего поведения, мотивируя²

¹ Интериоризация (от фр. *intériorisation* – переход извне внутрь и лат. *Interior* – внутренний) – способность оперировать образами предметов, которые в данный момент отсутствуют в поле зрения. Человек выходит за рамки данного мгновения, свободно «в уме» перемещается в прошлое и в будущее, во времени и в пространстве // <http://ru.wikipedia.org/wiki/>.

² Мотивировка – рациональное объяснение субъектом причин действия посредством указания на социально приемлемые для него и его референтной группы, побудившие к выбору данного действия. С помощью мотивировки личность иногда оправдывает свои действия и поступки, приводя их в соответствие с нормативно задаваемыми обществом способами поведения в данных ситуациях и

«благородными» побуждениями [8, с. 139; 9; 10].

Ранее под мотивом понималось побуждение к действию, поскольку основной функцией мотива считалось побуждение поведения. Но современная психология пришла к выводу, что переживаемый мотив непосредственно не побуждает поведения. Потенциальные мотивы становятся реально действующими при определённых условиях. Должно существовать нечто, что позволяет выбрать между различными вариантами действия, «запускает» действие, направляет, регулирует и доводит его до конца, после чего начинается новая последовательность действий, в которой снова можно усмотреть уже другую целенаправленность [11, с. 12].

Следует учитывать положения общей психологии о полимотивации, множественности целей и мотивов, в соответствии с которыми стремление к достижению одной цели может быть обусловлено действием разных мотивов, равно как и наоборот, один мотив может определять достижение разных целей. В этот многомерный психологический процесс могут вплестаться и противоречивые тенденции, менее привлекательные мотивы неосознанно подменяются другими – более привлекательными [12, с. 69]. В практической деятельности в системе смешанных (конкурирующих) мотивов достаточно сложно выделить ведущий (доминирующий) мотив, определивший принятие решения о совершении преступления, на чём настаивает Верховный суд РФ [13].

В литературе можно встретить мнение о том, что причинами поведения человека могут выступать не только субъективные, но и объективные факторы. Например, совершение действий в результате предъявления к человеку социальных требований, которые должен выполнять каждый независимо от его желания, то есть когда индивид, не имея потребности в определённом поведении, все-таки совершает эти действия в силу каких-то внешних причин [14, с. 7].

Теоретические сложности определения содержания понятия «мотив преступления» сопровождаются проблематикой практического установления (доказывания) мотивов конкретных преступлений, поскольку о них можно судить только по внешним проявлениям. О проблемах практического свойства Уильям Уильз писал: «Для суждения о побудительных причинах и происходящих от них действиях нет возможности получить такие же верные данные, какие существуют для исследования чисто материальных явлений, потому что невозможно узнать все разнообразные обстоятельства, относящиеся к поведению людей или указать с несомненной достоверностью на побудительные причины, из которых вытекают их действия. Тем не менее, мы естественно, разумно и верно судим о побуждениях по поведению людей, точно так же, как по свойству реки мы заключаем о качествах её источника» [15 с. 38].

Является закономерностью, что в ситуациях неопределённости практика идёт по пути упрощения. Как вполне обоснованно отмечает И.И. Тазин, в современной судебно-следственной практике в отношении установления и доказывания мотивации преступного поведения сложилась триада мотивов-презумпций: «корысть, личная неприязнь, хулиганские побуждения», в соответствии с которой происходит приписывание мотива личности виновного исходя из характера совершённого им

преступления [5, с. 134]. Данные мотивы не охватывают всего диапазона реальных внутренних побуждений личности.

Современное развитие науки психологии, противоречия законодательной техники и следственно-судебной практики влекут необходимость пересмотра некоторых положений, касающихся установления субъективной стороны состава преступления и, в частности, мотива преступления. Требуется тщательного изучения и общепризнанное положение о наличии мотива во всех случаях совершения умышленных преступлений и необходимости его установления.

На практике мы сталкиваемся с ситуацией, когда при доказанности совершения преступления конкретным лицом, о мотивах его действий можно только догадываться. Бабушка убивает восьмимесячного внука, нанеся ему восемь ударов молотком по голове. Девятью ударами ножа дедушка убивает полторагодовалого внука. Мотивы своих действий пояснить не могут (или не хотят). Оба вменяемые. Другая, достаточно часто встречающаяся ситуация. Задерживаем киллера. В установленные сроки следствия заказчика установить не представилось возможным. Чтобы вменить корысть или наём, их нужно доказать. А если доказать не удаётся? И личные неприязненные отношения не вменишь, поскольку нет прямой очевидной непосредственной связи между убийцей и потерпевшим. Следуя логике законодателя и требованиям Верховного суда, такое уголовное дело в суд направлять нельзя.

Открытым остаётся вопрос о наличии мотива в неосторожных преступлениях [16, с. 66-68]. Вряд ли правомерно считать мотивированными и целенаправленными такие деяния. Поскольку у субъекта отсутствует цель совершить преступление, постольку и последствия не охватываются его умыслом. Но предмет доказывания, очерченный уголовно-процессуальным законом, требует **обязательного** указания в факте обвинения установленного следствием мотива.

Установлению мотива нередко препятствует и то обстоятельство, что социально порицаемый мотив может выразиться в общественно полезном поведении, а социально одобряемый – в антиобщественных действиях. В действительности поведение и мотивы, его обуславливающие, могут не только совпадать, но и противостоять друг другу в контексте нравственной оценки [4, с. 32-33].

Относительно определения пределов исследования на суде мотива, побудившего подсудимого к совершению преступления, российскими учёными досюветского периода были высказаны достаточно противоречивые мнения. Несмотря на то, что ряд виднейших представителей юридической науки (А.Ф. Кони, В.Д. Спасович [17, с. 16, 22-23] и другие) признавал необходимым выходить за пределы формально описанного в законе состава преступления, в том числе и в исследовании личности подсудимого и его душевной сферы, в целом русская процессуальная доктрина сформулировала ограничительную позицию по поводу возможности выхода за пределы предмета доказывания.

Как отмечает профессор А.С. Александров, советский законодатель пошёл по пути субъективизации состава преступления и сообразно этому – предмета доказывания. Советская процессуальная доктрина развивалась в направлении расширения пределов исследования личности обвиняемого, что вызывалось общим преобразовательным пафосом советского уголовного права. Сущность уголовной политики олицетворяли идеи полного искоренения преступности и намерения власти создать новый тип советского человека [18, с. 68-93].

Следует сказать, что уголовное законодательство и судебная практика большинства европейских стран придерживаются принципа «безразличия мотивов». А особенность уголовного права Англии заключается в том, что вина (а соответственно и мотив преступления) не является обязательным признаком преступления [19, с. 135]. Реформирование отечественного уголовного законодательства может учесть положительный опыт этих стран. Главный и руководящий принцип состоит в том, что в нормах материального права нужно искать критерий для определения тех границ, до которых должно быть производимо исследование обстоятельств уголовного дела. Субъективизация судопроизводства не только ставит задачи, которые современные средства юридического познания не позволяют решить, но и формулирует признаки преступного деяния, установление которых всецело зависит от субъекта их оценки.

По нашему мнению, мотив как обязательный элемент предмета доказывания должен быть исключён из ст. 73 УПК РФ. Неустановление мотива преступления не должно быть препятствием к осуждению лица за преступление, в диспозицию которого не включён мотив как квалифицирующий признак преступления. «Иногда бывает, – писал в середине XIX века Уильям Уильз – что совершаются чудовищные деяния, побуждений к которым нет никакой возможности открыть. В подобных случаях, которые впрочем встречаются довольно редко, на основании разумных правил, необходимых для общественной безопасности, деятель считается ответственным по закону, если не будет ясно и несомненно доказано, что он не способен понимать действительное значение своих поступков» [15, с. 45].

В тоже время это не значит, что мотив преступления не нужно устанавливать. Конечно, стремиться к этому нужно, поскольку установление факта наличия мотива преступления есть косвенное доказательство совершения преступления.

Рассматривая вопрос о мотиве преступления как элементе доказывания, не можем не коснуться *понятия «доказательство» в юридическом познании* [20; 21, с. 52-56]. Несмотря на наличие законодательных определений, вопрос о понятии доказательства является одним из наиболее спорных на протяжении десятилетий. При этом большой интерес представляет эволюция взглядов на эту тему в доктрине процессуального права, которая находила отражение в изменениях законодательной дефиниции. Предпринимались попытки систематизировать, упорядочить знания, взгляды, позиции авторов по вопросу определения доказательства в виде некоторых концепций и моделей. В тоже время справедливо отмечается, что сформированные модели доказательства далеки от совершенства» [22, с. 58, 61].

Причина развернувшихся дискуссий по данному вопросу определяется, на наш взгляд, положением, высказанным В.Д. Спасовичем, о том, что теория доказательств представляет собой «центральный узел всей системы судопроизводства, душу всего процесса, начало движущее, образующее статью процесса самую существенную, которая обуславливает и устройство судов, и все главные формы судопроизводства» [23, с. 17].

В.А. Новицкий отмечает, что «В советском, а затем российском доказательственном праве источник доказательств (средства доказывания) и доказательства как информация, в результате продолжительной междисциплинарной борьбы учёных были объединены в единое понятие. Подход стал главенствующим в российской правовой науке с конца XX века» [24, с. 344]. В тоже время факт (или доказательственный факт) как бы «выпал» из содержания данного понятия. По нашему

мнению, это стало результатом победы сторонников концепции максимальной формализации юридического процесса, и уголовного судопроизводства в частности.

В ретроспективном познании, коим является юридическое познание, понятие «факт» не отождествляется с событием, поскольку факт – не просто событие, существующее вне субъекта, но такое событие, которое отражается в сознании субъекта и именно поэтому для него является фактом [25, с. 188; 26, с. 39; 27, с. 170]. В принципе, факт есть образ события (обстоятельства) реальной действительности, сформировавшийся у субъектов познания.

Среди современных исследователей, высказывающих своё мнение о понятии «доказательство», на наш взгляд, сложилась устойчивая тенденция приверженности к смешанной концепции, когда под доказательствами понимают факты, сведения о них, а также их источники [28, с. 11-12]. «Доказательства – пишет А.А. Кухта – это полученные по делу факты, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие главного факта и иных имеющих значение для дела фактов» [29, с. 145]. «Доказательства – утверждает А.С. Александров – это факты, а доказывание – это деятельность по оперированию фактами с целью установления главного факта, который служит основанием для возникновения уголовно-правового отношения или констатации невозможности установить его с такой степенью моральной уверенности, которая исключает разумные сомнения» [18, с. 42].

Как обоснованно отмечает Ю.К. Орлов, при подобных подходах в определении доказательств объединяются различные гносеологические категории – информация и факты-аргументы [22, с. 63]. И это не недостаток, а следствие понимания доказывания как деятельности по обоснованию сторонами утверждений [30, с. 22].

В принципе, мы выходим на трёхуровневую гносеологическую схему формирования юридического факта. Содержание процессуальных доказательств конструирует доказательственные факты, на основании совокупности которых возникает образ события прошлого – собственно юридического факта (знания компетентного органа) – проекции сложной юридической деятельности, несущей на себе печать и личности субъектов доказывания, и особенности социально-культурного контекста.

В настоящей статье мы рассматриваем наличие мотива как установленный в ходе судопроизводства факт (доказательственный факт). В свою очередь установление этого факта является результатом многоступенчатой процедуры оперирования (доказывания, обоснования) сторонами собственно процессуальными доказательствами.

В юридическом процессе доказывание производится именно **фактами=образами=аргументами**, которые представляют из себя пространственно-временные модели событий (обстоятельств). Стороны в суде оперируют практически одними и теми же процессуальными доказательствами, а вот их интерпретация позволяет им в рамках своей правовой позиции строить различные юридически значимые модели устанавливаемых событий.

Доказательственный факт, является **«натуральным аргументом»** в отличие от коммуникативного или эмпирического в случае прямого доказывания на основании сообщения о факте или предъявления предмета [31, с. 8-14]. Л.Е. Владимиров указывал: «Доказательством прямым называется такое, которое основывается на чувственном восприятии непосредственном (судьи) или посредственном (других людей, сообщённых судье); Доказательством косвенным, уликою, называется такое

обстоятельство, из которого делают заключение к искомому факту (*factum probandum*)» [32, с. 144].

Вопрос об уликах, или косвенных доказательствах, представляется одним из самых интересных и важных как в теории доказательственного права, так и в практике его применения. Значение косвенных доказательств определяется тем, что нередко они являются единственными по делу доказательствами, пользование ими оказывается часто единственным способом установления юридических фактов. Поэтому не случайно теория улик (косвенных доказательств) вызвала к себе со стороны процессуалистов громадный интерес, нашедший своё отражение в чрезвычайно обильной и многосторонней литературе, посвящённой этой теории, имеющей немало своих представителей в лице крупнейших процессуалистов и вообще юристов различных стран и народов [5; 31; 33; 34; 35].

Существует несколько концепций классификации юридических доказательств на прямые и косвенные. По нашему мнению, наиболее универсальной является классификация доказательств *по связи с доказываемым фактом* как определяющем признаке различий этих доказательств. При подобном подходе прямым считается доказательство, которое при однозначности связи, даже будучи взятым в отдельности, позволяет сделать единственный вывод о существовании или отсутствии факта. Косвенное доказательство, взятое в отдельности, в силу многозначности связи содержания с доказываемым фактом даёт основание не для определённого, а для различных вероятных выводов, нескольких версий относительно искомого факта. Отсюда вытекает вывод об отмечаемой в литературе характерной черте косвенного доказательства – недостаточности его одного без других доказательств для установления искомого факта [36, с. 194, 202; 37, с. 149, 177-179; 38, с. 148-149; 39, с. 166; 40, с. 180; 41, с. 17].

Хотелось бы отметить ещё одну, достаточно интересную на наш взгляд концепцию классификации доказательств на прямые и косвенные. Ю.В. Францифоров пишет: *«Косвенное доказательство обосновывает ложность антитезиса, что подтверждает справедливость тезиса. Ложность (ошибочность) антитезиса (противоположного тезису допущения) может быть обоснована имеющимся противоречием либо следствием несовместимости с аргументами»* [42, с. 17]. Как отмечал Уильям Уильз: *«Улики, основанные на побочных обстоятельствах, доказывающих, по-видимому, действительность побуждения к преступным действиям, сами по себе не имеют большего веса, и что они вообще могут иметь значение лишь настолько, насколько они уменьшают вероятность, что подсудимый не совершал деяния, о котором идёт дело. Не следует забывать, что на одних побуждениях ни законодатель, ни судья не могут ничего основывать, и что разбирательству человеческих судов подлежат только **действия и внешние факты**, составляющее **следствия или предметы побуждений**»* [15, с. 40]. И действительно, доказанность наличия мотива убийства, является не столько подтверждением участия в убийстве, сколько опровержением утверждения о непричастности подозреваемого. Вроде бы одно и то же, а разница есть.

Ещё в XIX веке Уильям Уильз, говоря о мотивах и называя их «побуждения к преступлению», писал: *«Обыкновенно побуждениями к преступлению являются: желание отомстить за действительный или мнимые обиды, желание получить какой-нибудь предмет, составляющей законную принадлежность другого, или желание*

сохранить о себе доброе мнение вообще или условную репутацию пола или звания. Самолюбие и злоба – хитрые и неотвязчивые советники; если бы даже и можно было исчислить все бесконечно разнообразные пути, которыми они приводят к действию, то это было бы посторонним делом, так как этот предмет относится к другой, совершенно отдельной отрасли философских наук [15, с. 37].

С другой стороны, так как деяние без побуждения было бы действием без причины, и так как особенности внешней обстановки и поведения вообще должны служить верными указаниями на побуждена к преступному действию, то, в случае сомнительности самого факта, отсутствие всякой видимой побудительной причины справедливо считается обстоятельством, представляющим основательной причины предполагать, что подсудимый невинен [15, с. 41].

В уголовном судопроизводстве можно констатировать абсолютное преобладание косвенного доказывания (или доказывания с помощью выводного знания). Тот или иной факт может служить косвенным доказательством по делу лишь тогда, когда он сам достоверен и установлен с несомненностью. Круг обстоятельств, которые могут выступать в качестве косвенных доказательств, широк, а виды разнообразны, и здесь особую трудность вызывает определение их относимости. Именно их связь с доказываемыми обстоятельствами часто выглядит наиболее проблематичной [18, с. 129-130]. Особую актуальность *вопрос относимости косвенных доказательств* приобретает в условиях рассмотрения дел судом с участием присяжных заседателей. И здесь, по нашему мнению, следует исходить из правила – все доказательства, касающиеся установления мотива преступления, будут относимыми к делу.

Не менее сложным вопросом теории и практики юридического познания и доказывания является вопрос *о достаточности косвенных доказательств* для обоснования вывода (определение пределов доказывания) [43, с. 253-258]. Поскольку из косвенного доказательства можно вывести несколько предположительных выводов, то для обоснования единственно правильного вывода требуется совокупность косвенных доказательств либо соединение прямых и косвенных доказательств. Процесс установления связи между фактами различной достоверности, и нередко лежащими в разных плоскостях восприятия, – дело достаточно сложное и трудное, требующее значительной подготовки и умения, и чреватое, при их отсутствии, опасностью совершения серьёзных ошибок [44, с. 31-32].

В завершение хотелось бы отметить, что при оценке косвенных доказательств значительный простор предоставляется *судейскому усмотрению*, которому свойственны индивидуальность и своеобразие, таящему в себе тенденциозность и предвзятость.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Психологический словарь // <http://psychology.net.ru/dictionaries/psy.html?word=523>.
2. Капинус, О.С. Убийства: мотивы и цели: Монография. / О.С. Капинус. – М.: ИМПЭ-ПАБЛИШ, 2004. – 312 с.
3. Ганичева, Е.А. Особенности доказывания мотивации и целей совершения несовершеннолетними краж, грабежей и разбоев / Е.А. Ганичева // КриминалистЪ. – 2010. – № 2 (7). – С. 73-77.
4. Музюкин, А.П. Мотив преступления и его уголовно-правовое значение: Монография / А.П. Музюкин. – М.: Юнити-Дана, 2012. – 128 с.
5. Тазин, И.И. Процессуальные средства установления и доказывания мотивации преступного поведения / И.И. Тазин // Вестник Томского государственного университета. Общенаучный периодический журнал. – 2011. – Февраль. № 343. – С. 134-136.
6. Петелин, Б.Я. О доказывании мотива и цели преступления/ Б.Я. Петелин // Советское государство

и право. – 1970. – № 11. – С. 111-115.

7. Якушин, В.А. Субъективное вменение и его значение в уголовном праве / В.А. Якушин. – Тольятти: ГолПИ, 1998. – 296 с.
8. Рарог, А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам / А.И. Рарог. – СПб.: Юридический центр, 2003. – 274 с.
9. Ковалёв, О.Г. Криминальная психология / О.Г. Ковалев, А.И. Ушатиков. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2007. – 496 с.
10. Ковалёв, О.Г. Оперативно-розыскная деятельность: психологические и историко-правовые проблемы / О.Г. Ковалёв. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2009. – 376 с.
11. Складов, С.В. Вина и мотивы преступного поведения как основание дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. 12.00.08. – М., 2004. – 45 с.
12. Кудрявцев, В.Н. Борьба мотивов в преступном поведении / В.Н. Кудрявцев. – М.: НОРМА, 2007. – 128 с.
13. П. 13. Постановления Пленума Верховного суда РФ от 27.01.1999. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве». Режим доступа: Система «Консультант Плюс».
14. Тарарухин, С.А. Установление мотива и квалификация преступления / С.А. Тарарухин. – Киев: «Вища школа», 1977. – 149 с.
15. Уильз Уильям. Опыт теории косвенных улик: Признаки, обстоятельства, примеры. Пер. с англ. (1864 г.) / Предисл. А.М. Унковского. Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 272 с.
16. Ильин, А.Н. Некоторые направления криминалистического обеспечения доказывания мотива преступления / А.Н. Ильин // Современная криминалистика: проблемы, тенденции, имена (к 90-летию профессора Р.С. Белкина): Сб. матр. 53-х криминалистических чтений: в 3-х ч. М., 2012. – Ч. 2. – С. 66-68.
17. Прения по реферату В.К. Случевского / Протоколы заседаний отделений Санкт-Петербургского юридического общества // Журнал гражданского и уголовного права. – 1880. – Книга 5. – С. 16, 22-23.
18. Александров, А.С. Относимость уголовно-процессуальных доказательств: Монография / А.С. Александров, С.А. Фролов. – Н.Новгород: Нижегородская правовая академия, 2011. – 176 с.
19. Наумов, А.В. Понятие мотива по уголовному праву Англии и США / А.В. Наумов // Изв. Высш. учеб. зав. Правоведение. – 1967. – № 3. – С. 134-136.
20. Боруленков, Ю.П. Юридическое познание в процессуальной, оперативно-розыскной и частной детективной деятельности: Монография / Ю.П. Боруленков. – Владимир: ВГГУ, 2009. – 552 с.
21. Боруленков, Ю.П. Юридическое познание как фундаментальная категория правоведения / Ю.П. Боруленков // Юридический мир. – 2009. – № 12 (156). – С. 52-56.
22. Орлов, Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе / Ю.К. Орлов. – М.: Юристъ, 2009. – 175 с.
23. Спасович, В.Д. Избранные труды и речи / В.Д. Спасович. – Тула: Автограф, 2000. – 496 с.
24. Новицкий, В.А. Теория доказательственного права. Монография в 2-х томах / В.А. Новицкий. Том 2. – М. – Ставрополь: ЗАО «ПРЕССА», 2005. – 540 с.
25. Вахтомин, Н.К. Генезис научного знания. Факт, идея, теория / Н.К. Вахтомин. – М.: Наука, 1973. – 285 с.
26. Чудинов, Э.М. Природа научной истины / Э.М. Чудинов. – М.: «Либроком», 2010. – 312 с.
27. Иванов, Г.М. Методологические проблемы исторического познания / Г.М. Иванов, А.М. Коршунов, Ю.В. Петров. – М.: «Высшая школа», 1981. – 296 с.
28. Бестаев, А.О. Способы собирания доказательств в уголовном процессе РФ: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. – Ростов-на-Дону, 2007. – 27 с.
29. Кухта, А.А. Доказывание истины в уголовном процессе: Монография / А.А. Кухта. – Н.Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2009. – 569 с.
30. Боруленков, Ю.П. Теоретические основы процессуального познания. Монография / Ю.П. Боруленков. – Владимир: ВГПУ, 2006. – 257 с.
31. Хмыров, А.А. Косвенные доказательства в уголовном процессе / А.А. Хмыров. – М.: «Юридическая литература», 1979. – 184 с.
32. Владимиров, Л.Е. Учение об уголовных доказательствах (1909 г.) / Л.Е. Владимиров. – Тула:

Автограф, 2000. – 464 с.

33. Жиряев А. Теория улик: сочинение, написанное для получения степени доктора юридических наук исправляющим должность ординарного профессора в Императорском Дерптском университете магистром уголовного права А. Жиряевым. – Дерпт, 1855. – 212 с. / <http://books.google.ru/books?id=>

34. Винберг, А. Косвенные улики в уголовном деле. Научно-популярный очерк из следственной практики / А. Винберг, Р. Рахунов. М.: Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1947. – 71 с.

35. Шаламов, М.П. Теория улик / М.П. Шаламов. – М.: Госюриздат, 1960. – 182 с.

36. Фойницкий, И.Я. Курс уголовного судопроизводства. В 2-х томах. (1910 г.) / И.Я. Фойницкий. – Т. 2. – СПб.: «Альфа», 1996. – 606 с.

37. Курьлев, С.В. Основы теории доказывания в советском правосудии / С.В. Курьлев. – Минск: Изд-во БГУ, 1969. – 204 с.

38. Советский гражданский процесс. Учебник. 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. М.А. Гурвича. – М.: «Высшая школа», 1975. – 399 с.

39. Новицкий, В.А. Теория российского процессуального доказывания и правоприменения: Монография / В.А. Новицкий. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. – 584 с.

40. Треушников, М.К. Судебные доказательства / М.К. Треушников. – М.: Проспект, 2004. – 296 с.

41. Шакарян, М.С. Гражданское процессуальное право / М.С. Шакарян. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. – 584 с.

42. Францифоров, Ю.В. Противоречия уголовного процесса / Ю.В. Францифоров. – М.: Приор-издат, 2006. – 176 с.

43. Панова, И.В. Административно-процессуальное право России / Под ред. проф. Э.Н. Ренова / И.В. Панова. – М.: «Норма», 2003. – 272 с.

44. Сорокин, В.С. Особенности процессуального доказывания в уголовном судопроизводстве: Монография / В.С. Сорокин. – Гродно: ГрГУ, 2002. – 95 с.

1)

Данные об авторе:

Моб. 8-967-051-08-08

borulenkov@bk.ru